

бы за тысячу, за двѣ и три тысячи лѣтъ и болѣе — непоколебимо вѣровать въ Христа еще только обѣщаннаго, въ то время, какъ мы такъ слабо вѣруемъ во Христа уже пришедшаго!

И вотъ — всѣ эти праведники — Авель, Енохъ, Ной, Авраамъ, Исаакъ, Иаковъ, Сарра, Иосифъ, Моисей, Раавъ блудница, Гедеонъ, Варанъ, Сампсонъ, Іефѳай, Давидъ, Самуиль (Евр. XI) — и друге, всѣ они въ лицѣ праведныхъ Симеона и Анны, срѣтають въ храмѣ Іерусалимскомъ Господа Іисуса Христа, котораго желали видѣть многіе цари и пророки и не видѣли (Лк. X. 24).

Но не это только мы находимъ въ Евангельскомъ повѣствованіи. Праведный Симеонъ въ удивительной по простотѣ, смиренію и всеоблемости молитвѣ привлекаетъ сюда же въ храмъ Іерусалимскій, для срѣтенія Божественнаго Младенца, и новозавѣтное языческое человечество, связывая его въ единую церковь Христову съ ветхозавѣтными праведниками. Очи его видятъ въ Богомладенцѣ Іисусѣ «спасеніе, уготованное для всѣхъ народовъ, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и славу Ізраиля» (Лк. II. 31, 32).

Богомладенецъ Іисусъ является цент-

ромъ, около котораго собирается и ветхозавѣтное и новозавѣтное человечество. Въ своихъ дальнѣйшихъ боговдохновенныхъ словахъ Праведный Симеонъ предрекаетъ и всю послѣдующую исторію христіанской Церкви, полную борьбы и страданій, когда имя Христово для однихъ становится предметомъ ненависти и глумленія, для другихъ — предметомъ сладостной вѣры и утѣшенія (Лк. II. 34, 35). Сейчасъ мы всѣ являемся свидѣтелями и участниками этого ожесточеннаго раздѣленія и борьбы.

Имя Христово въ нашей родной странѣ стало предметомъ поруганія и гоненія для однихъ, и сладостной вѣры и любви — для другихъ. Нашъ путь ясенъ — вмѣстѣ съ ветхозавѣтными праведниками и со всею новозавѣтною Церковью мы стоимъ около Господа нашего Іисуса Христа и страшимся только одного — какъ бы не отпасть отъ Него, не быть къ Нему безразличными, не стать Ему чуждыми, не превратиться въ Его враговъ. Мы хотимъ любить Его всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душою своею, и всѣмъ разумнѣемъ своимъ, и всею крѣпостію своею (Мр. XII. 30). А остальное приложится намъ (Мѳ. VI. 33).

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

Радость креста *)

Существуетъ суевѣрная примѣта, что найти крестъ значить ожидать какой либо бѣды, чего либо страшнаго; подарить крестъ — накликаетъ на того, кому дарятъ, несчастія. Но есть и прекрасный обычай — люди въ знакъ и въ увѣреніе наибольшей близости, мѣняются крестами, становятся крестовыми братьями, и

*) Изъ бесѣды прот. С. Булгакова на собраніи Парижскаго Содружества по записи слушателей.

эта близость даже больше, чѣмъ узы родства. Первая примѣта — образъ ложнаго, недостойнаго отношенія къ кресту, второй обычай раскрываетъ ту внутреннюю сторону креста, которой онъ касается глубины нашихъ душъ и сердець.

Что такое крестъ и крестоношеніе? Не только у людей, чуждающихся креста, но и насъ христіанъ, съ мыслию о крестѣ часто соединяется представленіе о чемъ-то страшно жестокомъ, что нужно претерпѣть въ порядкѣ послушанія, что на-

легают на плечи и врѣзается въ нихъ. Это не христіанская мысль, не христіанское отношеніе. Крестъ есть знакъ побѣды, сила побѣды, крестъ есть радость, вдохновеніе. Господь сказалъ: «кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною» (Мѡ. 16. 24). Эти слова, какъ и всѣ слова Господа, какъ и всѣ слова Евангелія, не могутъ быть понимаемы въ смыслѣ внѣшняго закона, предлагаемаго по дисциплинарнымъ или утилитарнымъ соображеніямъ. Если иногда въ теченіе цѣлыхъ эпохъ господствуетъ такое пониманіе креста, то это печальное отклоненіе въ сторону отъ Христа, граничащее съ враждой ко Христу, отпаденіе въ ученіе манихеевъ, говорившихъ о злѣ побѣдившемъ. Законъ креста въ сущности есть законъ всей нашей внутренней жизни, законъ помогающій этой жизни, связанный съ самымъ строеніемъ нашего духа. Слова Спасителя въ этомъ отношеніи означаютъ, что кто не возьметъ креста, тотъ не будетъ человѣкомъ глубокой жизни, не будетъ человѣкомъ, знающимъ богатство вдохновеній, восторги творчества: кто не возьметъ креста, тотъ никогда не будетъ знать радости посвященности высшей цѣли. Если обратиться даже къ жизни людей нехристіанъ, то и въ ней найдемъ вѣдѣніе тайны креста, знаніе ея силы.

Что является предметомъ уваженія и преклоненія даже у язычниковъ? Безспорно, не спокойное, безбѣдственное существованіе, а героизмъ, творчество, подвижничество, завоеваніе новаго, рѣшимость ради этого жертвовать собой. Люди здѣсь преклоняются передъ Единымъ Поклоняемымъ, хотя и не произносятъ «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко», не знаютъ, чей это крестъ.

Въ чемъ выражается въ жизни даже не христіанъ эта внутренняя неизбѣжность креста для всѣхъ, какъ единственнаго пу-

ти для каждаго, кто хочетъ жить, а не только существовать? Въ томъ, что только тотъ можетъ внутренне стать богатымъ, кто умѣетъ отказаться отъ меньшаго ради большаго, кто готовъ страдать, чтобы достичь этого большаго. Какъ много совершается усилій для достиженія случайныхъ, призрачныхъ успѣховъ. Въ этихъ усиліяхъ человѣку прозрѣть опасность погибнуть, истощиться, такъ какъ дѣйствительно питаетъ, обогащаетъ только подвигъ, страданія во имя подлинно великой цѣли.

Въ этой работѣ, напряженномъ трудѣ для высшей цѣли, неизбѣжно сопряженной съ опытомъ страданій, вырастаетъ особая глубина. И эта глубина ничѣмъ инымъ не дается, какъ только страданіями. При встрѣчахъ съ иностранцами мы въ силу нашего опыта страданій часто невольно чувствуемъ, что они при многихъ превосходствахъ, все же дѣти: они чего-то не испытали, что человѣкъ можетъ и долженъ извѣдать, чтобы достигнуть подлинной глубины. Если сопоставить эти вообще человѣческія проявленія несенія креста, какъ закона и основанія душевнаго роста, внутренней содержательности, и христіанское пониманіе крестоношенія — въ чемъ сходство и различіе? Сходство въ томъ, что глубокое содержаніе жизни покупается лишь цѣной усилій и жертвы; полнота, богатство жизни неизбѣжно покупается, выкупается, вымѣнивается. Этотъ моментъ сохраняется и въ христіанскомъ принятіи креста. Христосъ хочетъ, чтобы мы, взявъ всю жизнь въ ея сложности, рѣшительно, безбоязненно пошли за Нимъ по пути, Имъ указанному. Въ этомъ моментѣ неизбѣжности жертвы, рѣшимости на подвигъ сходство между общечеловѣческимъ закономъ креста и принятіемъ креста Христова. Въ чемъ различіе? Съ точки зрѣнія современныхъ языческихъ представленій Христова служеніе было слу-

женіемъ героическимъ: Онъ отдалъ жизнь за идею. Но Христосъ совершалъ Свое служеніе не во имя идеи, а для того, чтобы совершить волю Отца, основать Царство Божіе, Христосъ совершалъ свое служеніе ради Бога. Мысль о Богѣ, о волѣ Божіей, объ этой Первой Цѣнности, высшей всѣхъ цѣнностей, является основнымъ въ служеніи Христа. Христосъ вольно подчиняетъ свою волю волѣ Отчей, ради ея пьетъ чашу страданій, къ этому призываетъ и насъ. Законъ креста черезъ это не только соотвѣтствуетъ естественнымъ человѣческимъ сторонамъ, но и освящается тѣмъ, что въ христіанскомъ принятіи креста все приносится въ жертву Небу, Богу.

Но тогда открывается **новое** въ ученіи о крестѣ. Служеніе идеямъ дѣлаетъ человѣческую жизнь богаче и углубленнѣе, но только ношеніе креста дѣлаетъ человѣка по особому близкимъ къ Богу, его Ему уподобляетъ. Человѣкъ есть образъ Божій. Это мы исповѣдуемъ каждымъ движеніемъ, каждымъ сознательнымъ обращеніемъ къ Богу, но мало кто думаетъ, что **образъ Божій и есть крестъ**. «Богъ есть любовь», а любовь свидѣлствуется жертвой, совершается въ жертвѣ. Безъ жертвы нѣтъ любви. Жизнь святой Троицы есть жертвенная любовь, таинственное самоотреченіе, каждой изъ трехъ Упостасей св. Троицы въ безпредѣльности любви. Господь въ крестоношеніи удостоиваетъ насъ прикосновенія и къ этой любви, такъ какъ даетъ силу жертвенной любви. Если крестъ есть путь Божественный, Онъ не можетъ быть только крестомъ муки, Голговы, Онъ долженъ быть озаренъ и высочайшей божественной радостью. Когда ап. Петръ отъ лица учениковъ сказалъ Господу «Вотъ мы оставили все и послѣдовали за Тобою; Что же будетъ намъ?» Господь Иисусъ отвѣтилъ имъ: «истинно говорю Вамъ, что вы, послѣдовавшіе за Мною, —

въ паки бытіи, когда сядетъ Сынъ Человѣческій на предполѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ» (Мѡ. 19. 27-28). Этотъ образъ содержитъ ту мысль, что крестъ даетъ не только муки, но и радость. И св. Церковь поетъ — «Кресту Твоему поклоняемся Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ», Воскресеніе дано крестомъ Христовымъ и свѣтъ его сіяетъ надъ крестомъ и черезъ крестъ. Онъ всегда является въ озареніи побѣды, побѣдившей міръ, торжествомъ, побѣждающимъ на крестномъ пути. Радость черезъ крестъ — единственно подлинная радость, ничѣмъ неотъемлемая отъ человѣка, такъ какъ только выстраданное чрезъ крестоношеніе имѣетъ глубину и причастно Божественной радости. Въ жизни будущаго вѣка крестъ — не только символъ отрицаній, но и символъ райской радости. Христосъ, грядущій судить міръ, придетъ съ ранами на рукахъ и ногахъ. Этимъ свидѣлствуется, что радость будущаго вѣка будетъ радостью крестною, радостью жертвенной любви, преодолевающей страданія, такъ что страданія становятся радостью. Это же содержитсяъ въ ученіи о загробномъ блаженствѣ.

Какъ понимать самое несеніе креста? Какъ пассивную покорность или какъ активное творческое принятіе? Что въ несеніи креста должно принадлежать личной свободѣ и что къ судьбѣ человѣка, къ тому, въ чемъ онъ не властенъ, что просто дано ему? Въ словахъ Господа Иисуса Христа указанъ путь активности, творчества — «кто хочетъ по мнѣ итти, да возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ». «Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Мене». «Иго Мое благо и бремя Мое легко» (Матѡ. 11, 29, 30).

Можно говорить о крестѣ Церкви, націи, народа. Чрезъ личное крестоношеніе уста-

навливается связь со всѣми ними, человекъ участвуетъ въ несеніи ига Христова. Въра хочетъ отъ насъ не только личнаго спасенія, не только заботу о бѣлоснѣжности моей индивидуальности, а творческаго труда для общаго спасенія. Поэтому принятіе ига выражается въ расширеніи сердца, не вѣдающаго въ минуту вдохновенія подчиненія границамъ.

Взятіе креста есть прежде всего творческое устроение своей жизни, активный и свободный подвигъ; въ послѣдствіи оно можетъ выразиться въ послушаніи монашества, но опредѣляющее, центральное въ немъ всегда заключается въ моментѣ свободнаго взятія. Здѣсь не должно быть упрощенія. Всѣ религіозныя задачи должны ставиться въ наибольшей сложности, въ наибольшей трудности. Притча о талантахъ говоритъ, что зарыть свой талантъ — значитъ поступить, какъ лѣнивый рабъ. Въ вольномъ подвигѣ, въ свободномъ творческомъ трудѣ должны быть примѣнены, раскрыты всѣ таланты, данные Богомъ. Въ раскрытіи своего таланта, въ служеніи своему призванію во имя Бога часто и состоитъ личный крестъ. Поэтому крестоношеніе никогда не можетъ быть пассивнымъ принятіемъ внѣшней неизбѣжности, оно всегда связано съ отвѣтственнымъ творческимъ избраніемъ своего пути, своего дѣла, совершается чрезъ свободу и въ свободѣ. Въ крестѣ соединены взятіе личнаго креста, и ига, такъ сказать, «судьбы», т. е. того, что мы находимъ, того, что дано намъ, какъ судьба нашей Церкви, народа, государства.

Въ чемъ иго Христа? Иго Христа во взятіи на себя грѣха міра и чрезъ взятіе грѣха — страданій. Принятіе ига Христова означаетъ безконечное, безпредѣльное расширеніе сердца въ любви на всѣ кресты человеческіе. Если взять въ предѣлъ — это неразрѣшимая задача. Но

евангельскіе заповѣди и исполнимы въ маломъ, и имѣютъ безконечное содержаніе. Иго Христово принимаетъ всякій, несущій крестъ. Черезъ принятіе креста онъ выходитъ изъ замкнутости только личной судьбы, участвуетъ въ несеніи всѣхъ крестовъ въ мірѣ, ибо скорбный путь, соединенный съ крестомъ, проходитъ не потому, что Богу нужно насъ мучить, чтобы чрезъ коридоръ страданій привести къ блаженству. Жертвенность, отреченіе, страданія нужны для насъ самихъ, такъ какъ они являются основаніемъ радости. Крестоношеніе есть вѣчное памятованіе о всемъ пути въ цѣломъ: звенья пути креста начинаются на землѣ, въ человеческомъ сердцѣ и уходятъ въ небо. Поэтому они могутъ дать вдохновеніе, силу жизни большую и подлиннѣйшую, чѣмъ все въ жизни. Во всякомъ дѣлѣ, а особенно во имя Христа намъ посылается, дается крестъ. Онъ труденъ и мы уstraшаемся, но это не должно закрывать отъ насъ того, что крестъ прежде всего радость. Служеніе истинѣ требуетъ покорности, силы, жертвенности не потому, что міръ созданіе неразумной слѣпой воли, но потому, что міръ въ состояніи грѣховнаго отпаденія отъ Бога. Жертва легко совершается въ мірѣ неповрежденномъ, становится сверхъестественной, вышеестественной въ мірѣ грѣховномъ и въ этомъ смыслѣ подлинно естественной. Прародители въ раю имѣли свой крестъ — заповѣдь не вкушать отъ древа познанія добра и зла. Она намъ кажется дѣтской, но она соотвѣтствовала неразрѣшённому дѣтскому состоянію прародителей. Но мы въ нашемъ состояніи уже арена страстей. Поэтому не только въ силу закона, что нѣтъ великаго дѣла безъ крестоношенія, но и потому, что всякій шагъ по пути добра въ мірѣ, отпавшемъ отъ Бога, сопровождается терніями, крестъ для насъ неизбѣжно долженъ быть подвигомъ, жертвенностью, страда-

ніемъ. Но не только это, ибо остается въ силѣ слово Господа о полученіи славы. Образъ радости крестной — образъ самой ослѣпительной радости въ мірѣ: радости мучениковъ, умиравшихъ съ улыбкой людей, подлинно познавшихъ небесную радость. Это радость — радость

свѣтлаго удовлетворенія, — испытывается всѣми труждающимися на нивѣ Божіей, въ случаѣ, если дѣло ихъ удовлетворяется благословенія. Крестъ — высшее призваніе, вдохновеніе человѣка. Радость креста — крестная сила, побѣждающая міръ, и эта сила — жертвенная любовь.

О милосердіи Божіемъ*)

Въ одномъ изъ стихотвореній Блока есть такая строка: «Мы, дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи, забыть не въ силахъ ничего». И это правда. Мы не можемъ стереть пережитого, тѣмъ болѣе, что пережитое не оборвалось: тамъ, на Родинѣ, все тотъ же ужасъ и скорбь, а въ насъ пережитое живо въ своихъ послѣдствіяхъ. Мы его несемъ, какъ бремя. Наша жизнь трудна, она не восполняется больше традиціями, бытомъ, могучимъ воздѣйствіемъ жизни на Родинѣ, она сложна и непонятна. Какъ будто все обнажено, и не знаешь, куда идти, во имя чего нести бремя существованія. Есть ли вообще смыслъ жить, думать, ждать, молиться о всеобщемъ великомъ дѣлѣ блага и добра? Можетъ быть злу и затмѣнію суждено еще долго мутить народы и намъ все равно не сохранить себя. Боль, томленіе, негодованіе, какой-то внутренній протестъ противъ всего, жажда справедливости, жажда возмездія — вотъ наши чувства. И теперь, на фонѣ всѣхъ сомнѣній и страданій, можетъ быть, труднѣе, чѣмъ когда либо говорить о милосердіи Божіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всего нужнѣе, потому что, потерявъ Родину и очутившись какъ бы внѣ жизни, мы часто особенно близки къ отчаянію.

Богъ есть любовь. Любовью же рождается милосердіе. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ любовь Божія и рожденное ею милосердіе послали въ міръ для спа-

сенія людей Единороднаго Сына. А мы двѣ тысячи лѣтъ ищемъ милосердія Божія, колеблемся и сомнѣваемся. Миръ, любовь, милосердіе Божіе — о нихъ нельзя сказать: вотъ они здѣсь или тамъ. Мы тонемъ въ нихъ, но не знаемъ того, и страдаемъ и ъбемся, потому что не умѣемъ вѣрить, потому что закрылись каждый въ самомъ себѣ и ожесточились. Намъ легче жить по своему произволу, чѣмъ пребывать въ любви Божіей. Но мы часто забываемъ это, т. е. то, что мы свободны и по своей волѣ живемъ внѣ Бога. Создавъ же сами себѣ свои несчастія, посылаемъ Богу упреки въ немилосердіи.

Какъ только мы встрѣчаемся со страданіемъ, мы думаемъ тотчасъ-же: гдѣ же милосердіе Божіе? Какъ можно совѣстить его съ фактомъ страданій? Мы любимъ всегда разсуждать «вообще». «Вообще» страданіе труднѣе принять, но если посмотрѣть на него сквозь себя или черезъ кого-нибудь, то часто находишь именно въ страданіи проявленіе милосердія Божія. Вотъ если взять какъ примѣръ убогаго изъ Печерскаго монастыря**): страданіе спасло его отъ духов-

*) Докладъ, прочитанный въ кружкѣ.

***) Въ Печерскомъ монастырѣ живетъ безногій калѣка. Когда то онъ наступилъ на гвоздь. Началось зараженіе крови. Отняли ступню, черезъ нѣкоторое вре-